

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/320-332

Научная статья

© Н. А. Кутявин

АНАЛИЗ НЕОЯЗЫЧЕСТВА И НАЦИОНАЛИЗМА В АНТРОПОЛОГИИ РЕНЕ ЖИРАРА

Данная статья посвящена рассмотрению теоретического наследия антрополога Рене Жирара. В тексте проанализированы размышления Жирара о таких явлениях как национализм и неоязычество. Рассмотрены его представления о генезисе данных феноменов, а также о месте и роли таких жирардианских концептов, как «миметическое желание», «миметическое насилие» и «обеспокоенность жертвами» в их становлении. Как можно узнать из работ Жирара, он видел истоки национализма как идеологии в распространении обезличенности и ресентимента в современных обществах, поскольку вместе с распространением эгалитаризма в них стало повсеместным «миметическое соперничество». Представления Жирара о неоязычестве можно обнаружить в работе «Я вижу Сатану, падающего, как молния», где он выделяет левое и правое направления в неоязычестве, в зависимости от их отношения к культурному тренду «обеспокоенности жертвами». Также в статье предлагается опыт применения гипотез и концепций Жирара в исследовании русского неоязычества, с примерами из истории и текстов неоязыческих идеологов, таких как В. Н. Емельянов, Г. П. Якутовский и Н. Н. Сперанский.

Ключевые слова: Рене Жирар, миметическая теория, национализм, неоязычество, родноверие

Ссылка при цитировании: Кутявин Н. А. Анализ неоязычества и национализма в антропологии Рене Жирара // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 320–332.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/320-332

Original Article

© Nikita Kutuyavin

NEOPAGANISM AND NATIONALISM IN THE ANTHROPOLOGY OF RENE GIRARD

This article examines the theoretical legacy of Rene Girard, the French anthropologist. The text analyzes Girard's reflections on such phenomena as nationalism and neopaganism. The author examines his ideas about the genesis of these phenomena

---

Кутявин Никита Александрович — аспирант Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская 1).
Эл. почта: nikitakutyavin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4244-2283

and the role of such girardian concepts as «mimetic desire», «mimetic violence» and «concern for victims» in their formation. As we learn from the work of Girard, he saw the origins of nationalism as an ideology in the spread of indiscernibility and resentment in modern societies since, along with the spread of egalitarianism, «mimetic rivalry» became ubiquitous in them. Girard's views on neopaganism can be found in «I See Satan Fall Like Lightning», where he distinguishes left and right wings in neopaganism, depending on their attitude to the cultural trend of «concern for victims». The article also offers an attempt to apply Girard's hypotheses and concepts to the study of Russian neopaganism, with examples from the history and texts of neopagan ideologues such as V. N. Emelyanov, G. P. Yakutovsky and N. N. Speransky.

Keywords: Rene Girard, mimetic theory, nationalism, neopaganism, rodnoverie.

For Citation: Kutyavin, N. A. Neopaganism and Nationalism in the Anthropology of Rene Girard. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 320–332.

Author Info: Kutyavin, Nikita Aleksandrovich — Ph.D. student, Institute of History and Sociology, Udmurt State University (Izhevsk, RF). E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru ORCID: 0000–0002–4244–2283

Рене Жирап (1923–2015) — известный франко-американский исследователь, чьи работы затрагивают дисциплинарные поля социокультурной антропологии, литературоведения, истории и философии. Две основные темы, являющиеся ключевыми практически для всех работ данного автора, это подражание (мимесис) и насилие. Он известен как создатель концепции «миметического желания», а также теорий «миметического насилия» и «козла отпущения». Работы Жирапа, посвященные проблемам религии и насилия, цитируемые в таких западных пособиях, как «The Blackwell Companion to Religion and Violence» (2011) и «The Oxford Handbook of Religion and Violence» (2013), уже стали классическими для антропологии религии. На русский язык переведены 8 монографий Жирапа и ряд его статей, а также работы некоторых его последователей (Дююи 2021). Постепенно происходит и отечественная рецепция работ этого автора (Зыгмонт 2016).

Поскольку теоретическое наследие Рене Жирапа по большей части доступно на русском языке, и в общих чертах российские ученые-гуманитарии с ним знакомы, становится актуальным анализ тех аспектов его наследия, которые касаются более узких тем, не являвшихся для этого автора ключевыми, но затронутых в его статьях и книгах. В данной статье речь пойдет о проблеме праворадикального русского неоязычества — то есть о современных попытках возрождения древних религиозных верований и практик восточных славян, которые осуществляются новыми религиозными движениями нативистского толка¹. Изучение работ Жирапа является актуальным для тех, кто занимается этой проблемой, по двум причинам. Во-первых, в некоторых работах Жирапа прямо представлены рассуждения на тему неоязычества. Во-вторых, особый интерес его теории, объясняющие феномен религиозного

¹ Термин «неоязычество» не является конвенциональным для российского и мирового религиоведения. Одни исследователи используют его (Шнирельман 1998), другие — предпочитают говорить о «современном язычестве» (Гайдуков 2016). Последнее характерно и для западных Pagan Studies, где используется термин «contemporary paganism» (Гальцин 2020: 6–7). На эту тему имела место определенная полемика в печати (Шижженский 2010, Смутьский 2014, Кутявин 2019, Бесков 2020), которая, однако, так ни к чему и не привела. Оба термина используются по сей день.

насилия, могут вызвать у исследователей радикальных неоязыческих направлений. Далее мы постараемся сформулировать ответ на вопрос, какое объяснение получают феномены национализма и неоязычества в контексте антропологии религии Р. Жирара, а также проиллюстрировать эти объяснения на примерах из истории русского неоязычества (родноверия).

Жирар об истоках национализма: обезличенность и ресентимент

Невозможно в полной мере понять теоретические построения Жирара без обращения к его основополагающему концепту — *миметическому желанию*. В основе этой концепции лежат представления о механизмах *мимесиса присвоения* и *конфликтного мимесиса*. Мимесис присвоения — это заимствование желания у другого. Когда одна обезьяна или один ребенок тянется за каким-то предметом, другие обезьяны или дети тут же обращают внимание на этот предмет. Как утверждает Жирар, это факт, доступный экспериментальной проверке (*Жирар* 2016: 9–10). При этом животные, как и взрослые люди, способны сдерживать это желание, дабы стремление двух субъектов к обладанию одним объектом не привело к конфликту (взаимному мимесису). По мнению психиатра Г. Лефора, ученика Жирара, «большая часть того, что мы называем вежливостью, состоит в умении ступать перед другими, во избежание поводов к миметическому соперничеству» (*Жирар* 2016: 9–10). Если же два человека, побуждаемые мимесисом присвоения, вступают в соперничество, то возникает конфликтный мимесис, особенностью которого является уход объекта, из-за которого начался конфликт, на второй план (*Жирар* 2016: 30).

Существует, однако, два вида миметического желания, которые различаются по степени своей деструктивности. Эти два типа формулируются Жираром исходя из соотношения между субъектом и *медиатором*, у которого субъект заимствует желание. В ранних работах Жирар иллюстрировал свою типологию через литературные образы. Менее конфликтный тип — *внешняя медиация*, при которой между субъектом и медиатором есть значимая дистанция — социальная, географическая или онтологическая. Пример внешней медиации — Дон Кихот, подражающий у Сервантеса Амадису Галльскому, идеальному рыцарю из легенд. Противоположность внешней — внутренняя медиация, когда возможности субъекта и медиатора примерно равны и они каким-либо образом друг с другом пересекаются. Пример — отношения Жюльена Сореля с другими персонажами романа Стендаля «Красное и черное» (*Жирар* 2019: 38–39). В этом случае медиатор может стать соперником и живым препятствием субъекта, заимствующего у него желание. Стендаль был уверен, что «чем меньше социальная дистанция, тем большую аффектацию она порождает» (*Жирар* 2019: 117). Ситуацию максимальной близости соперников Жирар назвал *нулевым различием*.

В Новое время разница между людьми и между социальными классами постепенно размывается, причем, по мнению Жирара — безвозвратно. Французская революция открыла аристократии произвольность ее привилегий. Пытаясь доказать, что эти привилегии на самом деле заслуженные, аристократия вступает в соперничество с классом, оспаривающим ее право на привилегии — буржуазией. В этом контексте возникает, например, расистская историософия Ж. А. де Гобино, пытавшегося обосновать природное превосходство аристократии. Его история является показа-

тельным примером судьбы человека, в складывавшейся ситуации обезличенности: «Отпрыск благородной семьи, отстраненный от власти Французской революцией, граф Артур де Гобино провел детство в атмосфере воспоминаний о былом величии аристократии и ненависти к буржуа, которые окончательно лишили ее влияния после революции 1830 года. Его детские воспоминания, усугубляемые ранней смертью отца, объясняют, почему Гобино был буквально одержим своим происхождением. До самой смерти он трудился над историей своего рода, чтобы доказать, что происходит от норманнского предводителя пиратов, жившего в IX веке» (Нуарьель 2013: 49). Буржуазия стала медиатором для аристократов, и разница между классами начала исчезать с еще большей скоростью. Возникает класс бюрократии, для которого внутренняя медиация становится одной из основных черт. Жирар исследует особенности этого класса с опорой на произведение Ф. М. Достоевского «Двойник»:

«Чтобы понять навязчивые идеи мелких чиновников Достоевского, нужно обратиться к бюрократическому царскому аппарату середины XIX века, к его строгой иерархии, к бесконечному приумножению бесполезных, мало оплачиваемых должностей. Процесс «обезличивания», которому массово подвергалось низшее сословие служащих происходил настолько быстро, эффективно и при этом прикровенно, что он легко сходил за жестокое, но пустое соперничество, порожденное системой. Персонажи, постоянно конфликтующие, борющиеся друг с другом, не могут понять, что их собственная личность находится на пути к исчезновению... Бюрократия — это внешняя сторона структуры, внутренней стороной которой является галлюцинация двойника» (Жирар 2013: 41).

Миметическое соперничество может овладевать не только отдельными людьми, но и целыми нациями: «Народы одержимы друг другом, их отношения с каждым днем становятся все теснее — но зачастую в отрицательном смысле. Подобно тому, как индивидуальная замороженность [миметическим соперничеством] порождает индивидуализм, коллективная порождает «коллективный индивидуализм» — или национализм, шовинизм и тоталитаризм» (Жирар 2019: 246).

Жирар утверждал, что основная функция идеологий — это функция механизма по оправданию насилия. Еще одно его наблюдение заключалось в том, что все современные идеологии построены на отрицании. Революционные идеологии отрицали старый порядок, реакционные идеологии — эгалитаризм. Либерализм противостоял тем, кто посягает на свободы, а социализм — тем, кто, прикрываясь идеей свободы, защищает неравенство. Он иллюстрирует эту идею на примере такого персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы», как Шатов. Шатов — бывший сторонник революционной идеологии. Поняв, что эта идеология построена на отрицании, он пытается найти позитивную основу мировоззрения в славянофильстве, но оказывается в ловушке «отрицания отрицания»:

«Идея Шатова, как и все мысли «бесноватых» навеяна Ставрогиным. Это значит, что она находится во власти нигилизма, хотя и претендует на его преодоление. Концепция нашего героя не традиция, но идеология традиции. Нигилизм есть источник всех идеологий, поскольку он является истоком любых подпольных разделений и любых противопоставлений. Вот почему все идеи, которые распространяет вокруг себя Ставрогин, крайне противоречивы. Шатов против западничества, против революции, против своих друзей. Славянофильское кредо претендует на абсолютную

позитивность, но, несмотря на внешний вид, «против» предваряет в нем «за» и определяет его» (*Жирар* 2013: 95–96).

Таким образом, национализм, как и другие политические идеологии, строится на основе соперничества и отрицания. В конечном итоге оказывается не важным, на каком основании, левом или правом, выстраивается идентичность той или иной политической группы: «Идеология сегодня — не более чем контекст для борьбы неистовых, но втайне согласных меж собой противоположностей. Интернациональный национализм и национализм Интернационала перекрывают друг друга и спутываются в безнадежных узлах» (*Жирар* 2019: 259).

Последний момент, связанный с жирардианским осмыслением феномена национализма, это объяснение динамики войн между национальными государствами. Война, в теории Жирара, предстает в качестве «расширенного поединка», где взаимодействие сторон подчинено принципу реципрокности. Противоборствующие стороны отвечают друг другу ударом на удар так же, как два человека во время поединка. Принцип реципрокности заимствован Жираром у Марселя Мосса, исследовавшего функционирование обмена дарами в первобытных обществах. Дар, как писал Мосс, обязательно должен быть возмещен, иначе возможен конфликт. При этом, на примере культуры маори можно увидеть, что один и тот же термин «уту» означает у них и компенсацию за дар и удовлетворение кровной мести (*Мосс* 2014: 149). Это значит, что месть, как и обмен дарами, действует по одному и тому же принципу реципрокности — то есть взаимности. Дар следует возместить с помощью дара, а насилие — с помощью ответного насилия.

«Расширенный поединок» развивается по принципу «устремления к крайности», позаимствованному Жираром из работы Карла фон Клаузевица «О войне». Клаузевиц постулировал в своем трактате, что на войне «оба противника до последней крайности напрягают усилия» и предел этих усилий определяется «противодействующими силами». Один противник, таким образом, своими действиями «предписывает закон другому» (*Жирар* 2019: 20). Суть этого концепта достаточно проста — один противник производит тем больше насильственных действий, чем больше их производит другой.

Жирар об истоках неоязычества: нищезанство и забота о жертвах

Ключевой тенденцией в развитии западного мира Жирар считал все более возрастающую *обеспокоенность жертвами* или *заботу о жертвах*. Истоки этой заботы о всех нищих, преследуемых, больных и угнетаемых, он возводит к христианской религии¹ (*Жирар* 2015: 171–172). В христианском и пост-христианском мире наиболее распространенной моральной установкой становится защита жертв угнетения, откуда берут начало все эмансипаторные и эгалитарные идеологии, а также современные политики идентичности. Именно в контексте анализа этой

¹ Вот как об этом же пишет, например, историк раннего христианства Б. Д. Эрман: «Сама мысль, что общество должно служить бедным, слабым, угнетенным, — мысль чисто христианская. Без победы христианства у нас, скорее всего, никогда не было бы ни социальных служб, ни системы здравоохранения. Миллиардам людей могло бы никогда не прийти в голову, что общество обязано заботиться о слабейших своих членах, что необходимо помогать тем, кто в нужде, — словом, те ценности, которые сейчас на Западе именуются «гуманистическими»» (*Эрман* 2019: 19).

социокультурной тенденции Жирар и затрагивает феномен неоязычества. В своей книге «Я вижу Сатану, падающего, как молния» он описывает возникновение неоязычества как следствие двух критических реакций на господство заботы о жертвах в сфере современной морали.

Создателем первой версии неоязычества оказывается Фридрих Ницше, который сознательно пошел против господствующей морали, обвинив христианство в том, что в современном мире жизнь индивида ставится слишком высоко и что современный «псевдо-гуманизм» навязывает «мысль, что никого нельзя приносить в жертву». Ницше выступал против этого, так как считал, что «вид сохраняется только благодаря человеческим жертвам» (Жирар 2015: 183).

Здесь необходимо указать на различия между теориями мифа в ницшеанстве и жирардианстве. В интерпретации Жирара мифы в племенных культурах представляли из себя нарративы, скрывающие истинную природу обрядов жертвоприношения — выведение сообщества из кризисной ситуации с помощью его сплачивания в акте коллективного насилия. Решение социальных проблем осуществляется через жертвоприношение благодаря механизму двойного переноса. Сначала внимание концентрируется на жертве, как на единственной причине злключения общины. Затем, после убийства, жертва оказывается ответственной за возврат к спокойствию (Жирар 2016: 31). В этом Жирар видел исток амбивалентности сакрального, о которой писали французские антропологи М. Мосс и А. Юбер. Жертва обряда священна, и поэтому ее убийство — «преступление, нечто вроде святотатства». Тем не менее, если ее не убить, она не станет в полной мере священной («пожертвованной», фр. «sacrifée») (Мосс 2000: 42–45). Жирар считал, что миф постепенно разлагается под действием христианской религии откровения. Ницше, в свою очередь, встал на сторону мифа и против рефлексии, рациональности, его разрушающей: «Познание убивает действие, для действия необходимо покрывало иллюзии...» (Ницше 2011: 80). Целью такого «правого» неоязычества была релятивизация христианства, преодоление его морального доминирования и замена его новой религией. Помимо Ницше, Жирар относит к этому направлению и известного философа Мартина Хайдеггера.

Та же логика, по мнению Жирара, стояла за преступлениями немецких национал-социалистов, осуществивших геноцид евреев — попытку «похоронить современную обеспокоенность жертвами под горой трупов» (Жирар 2015: 184). Хотя исторически национал-социализм потерпел поражение, его ницшеанский пафос позаимствовали многие праворадикальные неоязыческие движения. Опора на авторитет Ницше встречается как в работах русских неоязычников (Иванов 1978), так у французских неоязыческих «Новых правых» (Бенуа 2013: 8–12). Также большую роль в мировоззрении правых неоязычников играет и Хайдеггер (Клири 2017: 116).

Вторая версия неоязычества является политически левой. Это неоязычество, которое рассматривает христианство в качестве религии, распространяющей репрессивные догмы, мешающие людям удовлетворять свои желания и потворствующей социальной несправедливости, притеснению меньшинств. Если правое неоязычество противопоставлено заботе о жертвах, то левое пытается оседлать волну и использовать язык жертв для достижения политического господства (Жирар 2015: 189–190), которое Жирар обозначает как *другой тоталитаризм* (чтобы отличать его от тоталитарных режимов XX в.). Обвинение в травле «козлов отпущения» («scapegoating») становится инструментом политической и социальной борьбы. Отсюда происходит

концепция *травли козлов отпущения второго уровня*, когда организуется травля тех, кто сам был обвинен в угнетении других (Жи́рар 2015: 165). На сегодняшний день эта концепция, сформулированная Жи́раром еще в 1999 г., видится довольно актуальной, поскольку может быть применена к так называемой *культуре виктимности*, возникновение которой в США описали социологи Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг (Campbell, Manning 2018: 15–16). Культура виктимности пришла на смену культуре достоинства, где каждый человек обладал неотчуждаемой ценностью, которую не способны задеть никакие оскорбления. В рамках культуры виктимности оскорбления воспринимаются как нечто, наносящее такой же урон, как и физическое насилие, поэтому оскорбленный имеет право требовать защиты и возмездия обидчику со стороны государства и общества.

Язык жертв создает новые термины для обозначения таких форм угнетения, которые не носят характер прямого насилия. Например, как пишут Кэмпбелл и Мэннинг, если мужчина объясняет что-то женщине со снисходительным тоном, то это обозначается термином *mansplaining*. По аналогии формулируются и другие подобные термины, например, *whitesplaining* (белый привилегированный американец объясняет афроамериканцу) и *straightsplaining* (гетеросексуал объясняет би- или гомосексуалу) (Campbell, Manning 2018: 87–88). Все эти термины, означающие морально порицаемые с точки зрения культуры виктимности формы оскорбления угнетенных членов общества, при взгляде на них сквозь жи́рардианскую оптику оказываются типичными примерами травли козлов отпущения второго уровня.

Выделенное Жи́раром левое направление в неоязычестве широко представлено в Европе и США. Как пишет Д. Д. Гальцин, зло часто определяется западными неоязычниками через категории угнетения и подавления женщин, ЛГБТ+, расовых меньшинств и «коренных жителей», а также «уничтожения экосистем» (Гальцин 2020: 225). Язык жертв также начал применяться российскими неоязычниками из Фонда Традиционных Религий, запустивших на сайте tradition.foundation проект «Красная лента» по мониторингу агрессии в свой адрес. Интересно, что на момент написания данной статьи (30.11.2021), «Красная лента» зафиксировала 65 происшествий за 2021 г., из которых больше половины (39) идут под рубрикой «язык вражды».

Жи́рардианская теория и генезис русского родноверия

Теперь мы попытаемся коротко описать процесс зарождения русского неоязычества и проанализировать его, используя наработки Рене Жи́рара. Для начала рассмотрим социальный контекст, в котором происходил этот процесс. По мнению историков М. С. Восленского и Н. А. Митрохина, в СССР склонными к русскому национализму оказались члены партийно-государственного аппарата, представители бюрократии и номенклатуры. По мнению Жи́рара, бюрократия — это среда особенно подверженная миметическому соперничеству, в силу обезличенности ее представителей. Свободное распространение внутренней медиации внутри класса бюрократии могло бы легко привести к конфликту всех против всех. Такую ситуацию Жи́рар обозначал словосочетанием *жертвенный кризис*, выходом из которого является поиск козла отпущения, благодаря которому борьба всех против всех превращается в ситуацию «все против одного» или «большинство против меньшинства». Нетрудно найти аналогию этому процессу в истории коммунистической пар-

тии СССР, внутренняя борьба в которой породила такие категории исключения, как «левый уклонизм», «правый уклонизм», «троцкизм», «безродный космополитизм» и другие.

Процесс поиска козла отпущения в СССР шел от типично левых образов врага (контрреволюционеры, бывшие представители привилегированных классов Российской Империи и т. д.) к правоконсервативным. Восленский так описывал этот процесс: «С номенклатурной ксенофобией связан и антисемитизм. Сначала он прикрывался лозунгом борьбы с троцкизмом, затем — уже менее завуалированно — с «безродными космополитами», теперь — совсем уже прозрачно — с сионизмом» (Восленский 2016: 422). Если в первом случае враг определяется через принадлежность к сторонникам человека, якобы искажающего коммунистическую идеологию, то в последнем он обретает конкретную этническую принадлежность. Причиной тому послужило изменение структуры советского общества в 1930–1940-е гг., в котором, как подразумевала советская идеология, больше не было антагонистических классов. По мнению В. А. Шнирельмана, в это время «произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным» (Шнирельман 2011: 233). Этому, как пишет Митрохин, сопутствовал приход в партию большого количества малообразованных людей, желавших подняться в бюрократической иерархии на волне идеологических «чисток», а также этому способствовали взгляды лично И. В. Сталина на национальный вопрос (Митрохин 2003: 41–43).

Примером такого националистического перерождения советской бюрократии может быть история одного из создателей русского неоязычества, арабиста и референта Н. С. Хрущева Валерия Николаевича Емельянова и его соратников по борьбе с «международным сионизмом». Емельянов написал влиятельную для неоязыческих кругов книгу «Десионизация», а также был одним из первых, кто поднял на щит поддельную «Велесову книгу», рассказывавшую о дохристианской истории славян. Важным свидетельством правоты Восленского и Митрохина, а также свидетельством плодотворности гипотезы Жирана, является внимание советской бюрократии к откровенно параноидальным и апофеническим идеям Емельянова.

Показательными здесь являются два примера. В. Н. Емельянов верил, что сионисты стремятся влиять на сознание граждан СССР внедряя повсюду свою символику. В 1977 г., когда планировался выпуск юбилейной монеты в честь шестидесятилетия революции, В. Н. Емельянов тщательно проанализировал ее изображение, опубликованное в газете «Известия». Среди прочего, на монете был изображен атом лития. В скрещении орбит его электронов неоязыческий мыслитель сумел разглядеть шестиконечную звезду. Поскольку он счел это сионистской провокацией, то через секретаря ЦК по идеологии М. В. Зимянина ему удалось сделать так, что перед чеканкой монет атом лития был заменен на атом бериллия (Полюхович 2018). Незадолго до этого, в сентябре 1977 г., он подал в ЦК записку «О проникновении враждебной символики в архитектуру». В этом случае объектом его критики стал архитектор М. В. Посохин, фамилию которого советские борцы с сионизмом переделали в «Пейсохин» (Митрохин 2003: 306). В четырех высотных зданиях, спроектированных Посохиним, он увидел образ Торы, пятикнижия Моисея из Ветхого Завета, хотя одного здания и не хватало до полного счета. Реакция М. В. Зимянина, цитируемая в монографии Г. В. Костырченко, выглядит так, словно В. Н. Емельянов и правда обнаружил заслуживающую внимания угрозу:

«Зав. Отделом науки Трапезникову: надо, видимо, компетентно разобраться с книгой т. Посохина» (*Костырченко* 2019: 542).

Таким образом, исходя из примера В. Н. Емельянова мы можем предположить, что родноверие в целом зарождалось в качестве одного из вариантов русского национализма. Этот тезис, на первый взгляд, противоречит широко представленному в исследовательской литературе мнению о разнообразии направлений в русском неоязычестве¹. Тем не менее, определенный националистический компонент является неотъемлемой частью мировоззрения многих влиятельных неоязыческих идеологов, не относящихся к числу националистических радикалов. Возможной причиной является то, что родноверие — это форма нативизма. Кем бы ни был русский неоязычник, он подспудно исповедует идею, согласно которой у каждого народа есть свойственная ему уникальная духовность. Следовательно, язычество — это религия, сущностной характеристикой которой является ее соответствие психологии конкретной этнической группы. Поскольку этнос понимается родноверами в примордиалистском ключе, то и сущность язычества оказывается неизменной, как неизменна «природа» этноса. Этнос может принять другую религию, например, христианство, но эта религия останется для него чуждой, так как создана другим этносом. Проиллюстрировать подобный взгляд можно с помощью слов одного из патриархов русского неоязычества, Г. П. Якутовского («Всеслава Святозара»), чьи взгляды являются довольно умеренными:

««Новое язычество» или «нативизм» появились в России не случайно и не вдруг. Сотни лет народ русский искал возможность выразить русский дух наиболее полно и искренне. В этой связи именно «ретро-религия», восстановленная и переосмысленная мифология, то есть «возрождённая Традиция» и стала исторически неизбежной...» (*Якутовский* 2008: 11).

Похожий тезис высказывал Н. Н. Сперанский («волхв Велимир»), также относимый к числу наиболее умеренных идеологов родноверия:

«Вместо подлинной этнической традиции, отражающей дух и психику народа, русским людям подсовываются скучные и бессильные² стереотипы поведения и мышления глобалистического общества, а также суррогат неохристианской церкви, которая хотя и называется русской, все же традиционно отстаивает интересы выкормившего ее государства и мирового глобализма, а не русского народа» (*Волхв Велимир* 2012: 50).

Н. Н. Сперанский, был известен своей борьбой с «глобализмом». О побудительных мотивах «Велимира» к неоязыческому творчеству очень многое может сказать одна фраза, произнесенная им, по его собственному признанию, когда он закончил работу над своей первой «языческой» книгой: «П****ц Америке!» (*Сперанский* 2008: 38). Очевидно, что таким образом он поставил свое обращение к славянскому язычеству в контекст геополитического противостояния между США и СССР-Россией. И в этом контексте возрождение древней религии оказывается сведено к ин-

¹ Различные классификации родноверческих направлений собраны в начале работы В. А. Шнирельмана «Русское родноверие» (*Шнирельман* 2012: 6).

² Удивительно, но, будучи неоязычником, Н. Н. Сперанский, судя по всему, верил в свойственную православным ультраконсерваторам теорию, согласно которой большевики через реформирование орфографии заменили приставку «без-» на «бес-», чтобы русскоговорящие люди постоянно поминали бесов (демонов) в своей речи.

струменту, с помощью которого можно укрепить русский народ и его государство перед лицом внешнеполитических вызовов.

Таким образом, мы имеем ряд свидетельств, говорящих в пользу правого уклона в русском неоязычестве на этапе его становления. Однако, важно заметить, что если мы обратимся к вопросу об отношении русских неоязычников к проблеме заботы о жертвах, то здесь будет иметь место явный водораздел между ранними идеологами. Если В. Н. Емельянов полностью поддерживал репрессивную политику в отношении некоторых социальных групп (например, евреев и христиан), то никаких доказательств наличия подобных фактов в биографиях Г. П. Якутовского и Н. Н. Сперанского нет.

Заключение

Как показал анализ работ Рене Жирара, в его исследованиях достаточно много внимания уделено возникновению политических идеологий в Новое время. Основной причиной их распространения он считает обезличенность европейских обществ, стирание границ между социальными классами и, как результат, широкое распространение внутренней медиации, с вытекающими из нее ресентиментом и нигилизмом. Особенно склонным к политизации оказывается наиболее обезличенный класс — бюрократия. При этом в основе всех идеологий оказывается отрицание и нигилизм, из-за чего они легко становятся оправданием для насилия к избранным «козлам отпущения».

Неоязычеству в его работах посвящено намного меньше внимания, однако, из них можно вывести дихотомию правого и левого неоязычества. Правое неоязычество, в понимании Жирара, было вдохновлено Ницше и стремилось опрокинуть основную тенденцию христианской и пост-христианской культуры — обеспокоенность жертвами. Левое неоязычество, напротив, обвиняет христианство в недостаточной заботе о жертвах и использует язык жертв в политических целях.

Наконец, если мы обращаемся к истории русского неоязычества (родноверия), то мы обнаруживаем, что некоторые наблюдения Жирара оказываются весьма плодотворными. Ключевым местом распространения русского национализма действительно оказалась бюрократия — самый обезличенный класс. Один из основоположников русского неоязычества, В. Н. Емельянов, был представителем советской номенклатуры и пользовался своим положением и связями для распространения своих антисемитских взглядов и преследования «сионистских агентов». При этом даже наиболее умеренные идеологи неоязычества, такие как Г. П. Якутовский и Н. Н. Сперанский разделяли имплицитно националистические взгляды. Тем не менее, на сегодняшний день в российском неоязычестве видны и левые тенденции, выраженные в проекте «Красная лента».

Источники и материалы

Бенуа 2013 — Бенуа А. Как можно быть язычником. М.: Русская Правда, 2013. 240 с.

Волхв Велимир 2012 — Волхв Велимир. Родноверие. М.: Самотека, МИД Осознание, 2012. 269 с.

Иванов — Иванов А. М. Христианская чума. Велесова слобода. <https://velesova-sloboda.info/christ/ivanov-hristianskaya-chuma.html> (дата обращения: 29.07.2020).

- Клири 2017* — *Клири К.* Взывая к Богам. Эссе о язычестве в расколдованном мире. М.: Тottenбург, 2017. 270 с.
- Полюхович 2018* — *Полюхович Д.* Похождения «сионистского» рубля. U-Jew! <https://ujew.com.ua/magazine/u-jew-vyipusk-1-2018/poxozhdeniya-sionistskogo-rublya> (дата обращения: 30.11.2020).
- Сперанский 2008* — *Сперанский Н. Н.* Воспоминание о началах пути // Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник / сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Издательство Социально-политическая мысль, НИО Северный ветер, 2008. С. 32–39.
- Якутовский 2008* — *Якутовский Г. П.* Возрождение Традиции: аргументы в пользу современного язычества // Северная Традиция. Священный остров Руян: сборник / сост. и общ. ред. Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Издательство Социально-политическая мысль, НИО Северный ветер, 2008. С. 11–31.

Научная литература

- Бесков А. А.* О язычестве, неоязычестве и подходах к их изучению (размышления над статьей Н. А. Кутявина «К проблеме парадигмы исследования неоязычества») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2020. Т. 30, вып. 4. С. 638–648.
- Восленский М. С.* Номенклатура. М.: Захаров, 2016. 640 с.
- Гайдуков А. В.* Новое язычество. Неоязычество. Родноверие: проблема терминологии // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р. В. Шиженского. Нижний Новгород: Мининский университет, ООО Типография Поволжье, 2016. С. 24–46.
- Гальцин Д. Д.* Лики Протея: история современного язычества как религиозной идентичности. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 296 с.
- Дююи Ж.-П.* Знак священного. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 272 с.
- Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Издательство ББИ, 2016. 518 с.
- Жирар Р.* Достоевский: от двойственности к единству. М.: Издательство ББИ, 2013. 162 с.
- Жирар Р.* Ложь романтизма и правда романа. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: Издательство ББИ, 2015. 202 с.
- Зыгмонт А. И.* Современная прихрамовая среда как сообщество в ситуации жертвенного кризиса // Религиоведческие исследования, 2016. № 1 (13). С. 151–189.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. В 2 ч. Часть I. Власть — Еврейский вопрос — Интеллигенция. М.: Международные отношения, 2019. 592 с.
- Кутявин Н. А.* К проблеме парадигмы исследования неоязычества // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 691–697.
- Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2014. 416 с.
- Мосс М.* Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000. — 448 с.
- Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. Антихрист. Эссе Homo. М.: АСТ: Астрель, 2011. 691 с.
- Нуарьель Ж.* У истоков расового вопроса. Расистские доктрины и социальное господство // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...: сб. статей / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 43–74.
- Смульский Е. В.* К развитию вопроса о понятии «неоязычество» // COLLOQUIUM НЕРТАПЛОМЕРES: Научный альманах. Выпуск I: Язычество в XX–XXI веках: россий-

- ский и европейский контекст. / Сост. А. А. Бесков, Р.В Шиженский. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 24–33.
- Шиженский Р. В. Язычество и неоязычество XX–XXI вв. (К вопросу о терминологии славянских вариаций «indigenous religions») // *Indigenous Religions. «Русь Языческая»: Этническая религиозность в России и Украине XX–XXI вв.* / под ред. Р. В. Шиженского. Н. Новгород: НГПУ, 2010. С. 6–17.
- Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН, 1998. № 114. С. 3–25.
- Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Том I. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 552 с.
- Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во ББИ, 2012. 302 с.
- Эрман Б. Д. Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- Campbell B., Manning J. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Palgrave Macmillan. 2018. 278 p.

References

- Beskov, A.A. 2020. O iazychestve, neoiazychestve i podkhodakh k ikh izucheniiu (razmyshleniia nad stat'ei N. A. Kutiaivina “K probleme paradigmy issledovaniia neoiazychestva”) [About research approaches in the study of paganism and Neopaganism (reflections on N. A. Kutyavin’s article “To the problem of the paradigm of studying neo-paganism”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorii i filologii*. 30 (4): 638–648.
- Campbell, B., Manning, J. 2018. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Palgrave Macmillan. 278 p.
- Dupuis, J.-P. 2021. *Znak sviashchennogo* [The Mark of the Sacred]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 272 p.
- Ehrman, B.D. 2019. *Triumf khristianstva. Kak zapreshchennaia religiia perevernula mir* [The Triumph of Christianity: How a Forbidden Religion Swept the World]. Moscow: Eksmo. 384 p.
- Gaidukov, A.V. 2016. Novoe iazychestvo. Neoiazychestvo. Rodnoverie: problema terminologii [New paganism. Neo-paganism. Rodnoverie: the problem of terms]. In *Iazychestvo v sovremennoi Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: monografiia*. Edited by R. V. Shizhensky. P. 24–46. Nizhnii Novgorod: Mininskii universitet, OOO Tipografiia Povolzh'e.
- Gal'tsin, D.D. 2020. *Liki Proteia: istoriia sovremennogo iazychestva kak religioznoi identichnosti* [The Faces of Proteus: A History of Contemporary Paganism as a Religious Identity]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA. 296 p.
- Girard, R. 2013. *Dostoevskii: ot dvoistvennosti k edinstvu* [Resurrection from the Underground: Feodor Dostoevsky]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 162 p.
- Girard, R. 2015. *Ia vizhu Satana, padaiushchego, kak molniia* [I See Satan Fall Like Lightning]. Moscow: Izdatel'stvo BBI, 202 p.
- Girard, R. 2019. *Lozh' romantizma i pravda romana* [Deceit, Desire, and the Novel]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.
- Girard, R. 2016. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Things hidden since the foundation of the world]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 518 p.
- Kostyrchenko, G.V. 2019. *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva. V 2 ch. Chast' I. Vlast'—Evreiskii vopros* [Secret policy: from Brezhnev to Gorbachev. In 2 volumes. Vol 1. Government and jewish problem] *Intelligentsiia*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 592 p.

- Kutiavin, N.A. 2019. K probleme paradigmy issledovaniia neoiazychestva [To the problem of the paradigm of studying neo-paganism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istorii i filologii*. 29 (4): 691–697.
- Mauss, M. 2014. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology.]. Moscow: KDU. 416 p.
- Mauss, M. 2000. *Sotsial'nye funktsii sviashchennogo. Izbrannye proizvedeniia* [Social functions of the sacred. Selected works]. St. Petersburg: Evraziia. 448 p.
- Mitrokhin, N.A. 2003. *Russkaia partiia. Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR, 1953–1985 gody* [Russian party: Russian nationalist's movement in USSR in 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 624 p.
- Nietzsche, F. 2011. *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm. Tak govoril Zaratustra. Kazus Vagner. Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuiut molotom. Antikhrist. Ecce Homo* [Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism. Thus spoke Zarathustra. Casus Wagner. Twilight of idols, or How to philosophize with a hammer. Antichrist. Ecce Homo.]. Moscow: AST: Astrel'. 691 p.
- Nuariel, J. 2013. U istokov rasovogo voprosa. Rasistskie doktriny i sotsial'noe gospodstvo [At the origin of the racial issue. Racist doctrines and social domination]. In *Rasizm, ksenofobiia, diskriminatsiia. Kakimi my ikh uvideli...* Edited by E. Demintseva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 43–74.
- Smulskij, E.V. 2014. K razvitiuu voprosa o poniatii “neoiazychestvo” [Towards the development of the question of the concept of “neo-paganism”]. *COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES: Nauchnyi al'manakh. Vypusk I: Iazychestvo v XX–XXI vekakh: rossiiskii i evropeiskii kontekst*. Edited by A. A. Beskov, R.V Shizhenskii. Nizhnii Novgorod: NGPU imeni K. Minina, P. 24–33.
- Shizhenskij, R.V. 2010. Iazychestvo i neoiazychestvo XX–XXI vv. (K voprosu o terminologii slavianskikh variatsii «indigenous religions») [Paganism and neo-paganism of the XX–XXI centuries. (On the question of the terminology of the Slavic variations of «indigenous religions»)]. *Indigenous Religions. «Rus Iazycheskaia»: Etnicheskaia religioznost' v Rossii i Ukraine XX–XXI*. Edited by R. V. Shizhenskij. Nizhnii Novgorod: NGPU. P. 6–17.
- Shnirelman, V.A. 1998. Neoiazychestvo i natsionalizm (vostochnoevropeskii areal) [Neopaganism and nationalism (Eastern European region)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN*. № 114. P. 3–25.
- Shnirelman, V.A. 2011. “Porog tolerantnosti”: Ideologii i praktika novogo rasizma. Vol I. [“Threshold of Tolerance”: Ideology and Practice of New Racism. Volume I.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p.
- Shnirelman, V.A. 2012. *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. 302 p.
- Voslenskii, M.S. 2016. Nomenklatura [Nomenclature]. Moscow: Zakharov, 640 p.
- Zygmunt, A.I. 2016. *Sovremennaia prikhramovaia sreda kak soobshchestvo v situatsii zhertvennogo krizisa* [Contemporary parish milieu as the community in the situation of the sacrificial crisis]. *Religiovedcheskie issledovaniia*. 1 (13): 151–189.